

Глава 1. СССР остается без Сталина

1.1 Политические маневры

По воспоминаниям практически всех, кому довелось пережить Великую Отечественную войну в относительно сознательном возрасте, день 9 мая 1945 г. оказался самым ярким и эмоциональным моментом в их жизни. Это был день великой радости и надежды. Ценой колоссальных потерь, благодаря напряжению всех сил, советские люди выстояли и победили в страшной войне. СССР стал одним из самых влиятельных государств в мире, а люди, выстрадавшие эту великую победу, обрели самоуважение и достоинство. Они ожидали от наступившего мира чего-то нового и светлого, хотя точно выразить и сформулировать это «что-то» было чрезвычайно сложно, а на политическом уровне – просто невозможно.

То было время открытых возможностей. Вал политических репрессий в годы войны существенно ослаб. Авторитет партии и Верховного Главнокомандующего был высок, как и доверие народа к власти. Руководству страны предоставлялась удобная возможность без «потери лица» и отступления от базовых социалистических принципов скорректировать внешнюю и внутреннюю политику, например, отказаться от агрессивной классовой риторики, предпринять шаги по интеграции СССР в мировую экономику, ориентировать народное хозяйство на повышение жизненного уровня людей. Об этом с большой осторожностью говорили некоторые видные деятели руководства страны – например, председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский или председатель Совета министров РСФСР М.И. Родионов, в 1950 г. расстрелянные по так называемому «ленинградскому делу».

Экономика страны находилась в очень сложном положении. Трудоспособное население уменьшилось на треть. Разрушены 65 тысяч километров железнодорожных путей, 91 тысяча километров шоссежных дорог, десятки тысячи мостов, тысячи километров электрических линий, потеряно великое множество гражданских судов, портовых сооружений и т.д.¹ Десятки тысяч предприятий были уничтожены, тысячи эвакуированы и переориентированы на выпуск военной продукции. В самом сложном положении находились предприятия «группы Б», обеспечивающие население продуктами питания, одеждой и прочими «товарами народного потребления». А настрадавшиеся за пять лет лишений (да и за предшествующие десятилетия) люди ждали, прежде всего, облегчения повседневной жизни.²

Реальность не оправдала ожиданий (и вряд ли могла). Все рычаги управления страной находились в руках И.В. Сталина, и трудно представить, что могло бы подтолкнуть его к изменениям политического режима и курса. Сталин был способен на резкие повороты, но в ситуации кризиса и катастрофы (примером тому может служить

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1984. С.497–540.

² См. подробнее: Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953. – М.: РОССПЭН, 1999.

решительная перемена отношения советской власти к Русской Православной Церкви в самом начале Великой Отечественной войны), а не в триумфальной позиции. Характер вождя, его устоявшиеся поведенческие стереотипы, да и возраст делали подобные надежды иллюзорными.

Созданный Сталиным режим был во многом уникальным. Не имея ни серьезной экономической стратегии (возникавшие то тут, то там проблемы купировались в режиме латания «тришкина кафтана»), ни прочной идеологической основы (не только Маркс с Энгельсом, но и Ленин о подобном варианте социализма даже не помышляли), ни массовой социальной поддержки (скепсис в отношении большинства аспектов режима и особенно его повседневных реалий был достаточно распространен в самых разных группах, о чем хорошо свидетельствуют архивы партии и госбезопасности),³ он продолжал функционировать за счет колоссального аппарата насилия, всепроникающей пропаганды и накопленной инерции, а также осуществленного еще в первые десятилетия советской власти физического истребления любых групп, хотя бы потенциально способных к сопротивлению. Никакой легальной, даже «системной» оппозиции в этой модели не предусматривалось, а безуспешные попытки прямой конфронтации с властью в послевоенный период зафиксированы только в западных регионах СССР, в основном вошедших в его состав в начале Второй мировой войны (Западная Украина, Прибалтика), а также в ходе единичных лагерных бунтов.

Великий мастер интриги тонко играл на амбициях и страхах своего ближнего окружения, стравливал конкурентов, плел хитрые комбинации, одним своим словом, возвышая или ниспровергая сподвижников. Видимо, манипулирование людьми было для него внутренней потребностью; с другой стороны, так Сталин обеспечивал разобщенность элиты, создавал атмосферу недоверия, которая не позволяла членам Центрального комитета (ЦК) партии сплотиться против него. Сталин играл на отсутствии четких государственных институтов, часто меняя приоритеты и распределение ролей среди партийной или правительственной номенклатуры. Зачастую человек, занимавший более высокое положение в структуре правительства (Совета народных комиссаров, с марта 1946 г. – Совета министров) мог стоять ступенькой ниже в партийной иерархии, или наоборот. Таким образом, положение конкретного человека определяла не занимаемая им формальная должность, а личное расположение к нему вождя. В разные моменты неофициальными преемниками Сталина считали Молотова, Вознесенского, Кузнецова, Маленкова, Булганина.

В начале сентября 1945 г., по окончании войны с Японией, был упразднен Государственный Комитет Обороны, часть функций которого оказалась распределена между двумя оперативными Бюро Совнаркома СССР. Одно возглавил В.М. Молотов (заместитель – А.И. Микоян), другое – Л.П. Берия (заместитель – Г.М. Маленков). Возникли две конкурентные «связки», которые в той или иной степени еще долго будут противостоять друг другу.

В октябре 1945 г. Сталин перенес инсульт и на некоторое время отошел от активной деятельности (что вызвало некоторое подобие дискуссии о путях дальнейшего

³ См.: Гозман Л., Эткинд А. Культ власти. Структура тоталитарного сознания. – В кн.: Осмыслить культ Сталина. – М.: Прогресс, 1989, с.337-371.

развития страны). Первым лицом в его отсутствие стал Молотов, заместитель Сталина в правительстве. По партийной же линии вторым человеком считался А.А.Жданов (с 1934 по 1945 г. возглавлял ленинградский обком партии), и возвышение Молотова он воспринял как вызов. Берия и Маленков тоже опасались усиления позиций Молотова, становившегося явным фаворитом. Началась сложная игра, целью которой была компрометация Молотова в глазах Сталина.

Но к весне 1946 г. «Верховный» восстановился и решительно вернул страну к мобилизационной модели. В первую очередь, изменилась риторика советской пропаганды по отношению к западным странам и их лидерам, которые теперь должны были представлять не в образе союзников, но кровожадных «ястребов». Характерна реакция Сталина на речь Уинстона Черчилля в колледже американского городка Фултон 5 марта 1946 г. Черчилль уже не занимал официальных постов и выступал перед студентами как частное лицо. Правда, необычным было то, что представил его аудитории действующий президент США Гарри Трумэн. Советский Союз мог проигнорировать высказывания отставного политика, на речь которого поначалу в мире не обратили внимания, но Сталин счел необходимым публично ответить ему через газету «Правда» и обвинил Черчилля в «установке на войну».⁴

В марте 1946 г. был принят четвертый пятилетний план, согласно которому основное внимание должно быть уделено развитию тяжелой и прежде всего оборонной промышленности, транспорта, добывающих отраслей, электроэнергетики. На эти цели направлялось 88% государственных капиталовложений, на производство товаров народного потребления – лишь 12%. Политика «новой индустриализации» в первые послевоенные годы привела к еще большему снижению жизненного уровня людей и продовольственному кризису, который был усугублен отказом от взаимодействия с Западом (в частности, в рамках плана Маршалла) и активной помощью странам Восточной Европы (принужденных СССР к такому же решению). Мобилизационная политика приносила людям огромные лишения, но на коротком временном отрезке оказалась достаточно эффективна. Уже в декабре 1947 г. вышло постановление Совета министров и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Это был важный пропагандистский шаг, хотя качественного улучшения повседневной жизни большинства населения реформа не принесла.

В 1946–47 гг. в результате засухи в Центральном Черноземье, Украине, Молдавии, Среднем и Нижнем Поволжье случился голод, унесший, по разным подсчетам, от миллиона до полутора миллионов жизней⁵. Точные данные были засекречены, к тому же в СССР с 1939 по 1959 г. не проводилось переписей населения. Голод сопровождался волнениями, которые жестоко подавлялись. Рекомендации создателя передовой советской науки – «мичуринской агробиологии», народного академика Т.Д. Лысенко оказались неэффективными и не спасли миллионы людей от голода и связанных с ним болезней.

⁴ Сталин И.В. Интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля. 13 марта 1946 г. – В кн.: В.И. Ленин, И.В. Сталин о социалистическом государстве и советской демократии. – М.: 1947, С.659.

⁵ Элман М. Голод 1947 г. в СССР // Бородкин Л.И. (ред.) Экономическая история. Обзорение. Вып. 10. М.: Изд-во МГУ, 2005. С.197-199

В марте 1946 г. состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором приняты кадровые решения. Главой правительства, переименованного в Совет министров СССР, естественно, стал Сталин, а вторым лицом – Л.П. Берия, возглавивший орган оперативного управления – Бюро Совета Министров. Заместителями его стали Н.А. Вознесенский и А.Н. Косыгин. В.М. Молотов остался в ранге заместителя председателя Совета Министров СССР, но такой же статус получили К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, А.А. Андреев, а также уже названные Берия, Вознесенский и Косыгин. В партийном руководстве тоже произошли серьезные перемены. В Политбюро ЦК вошли Берия и Маленков, кандидатами стали Н.А. Булганин и А.Н. Косыгин. Секретарями ЦК стали Сталин, Жданов, Маленков, Г.М. Попов (глава Московского комитета КПСС) и А.А. Кузнецов (глава Ленинградской парторганизации), который возглавил еще и Оргбюро. Последний также вел заседания секретариата, что давало ему значительное влияние. Современному человеку трудно понять, какой именно вес имели разнообразные статусы и роли в условиях отсутствия какого бы то ни было разделения властей и крайней запутанности системы персональных сдержек и противовесов, но для участников событий смысл ритуальных перемещений и переименований был достаточно прозрачен: Молотов, а заодно и близкие к нему Микоян с Андреевым, свои позиции утратили, а Берия и Маленков, наоборот, серьезно укрепили. Усилились и «ленинградцы» – Жданов, Кузнецов, Вознесенский, отчасти Косыгин. Впрочем, последний держался несколько особняком, хотя был родом из Ленинграда и много работал под руководством Жданова. Возможно, именно такая дистанцированность (вкуче с образом, выражаясь современным языком, «технократа») и позволила ему сыграть значительную роль в дальнейшей истории Советского Союза.

В стране была еще одна сила – армейское командование. Оно имело весомый авторитет в народе, но оказалось не представленным в партийных органах – никто из знаменитых военачальников не стал даже кандидатом в члены ЦК. Видимо, причиной тому была ревность Сталина по отношению к тем, кто мог бы претендовать хотя бы на часть его лавров «творца Победы», а также интуитивная настороженность по отношению к фронтовикам, которые в определенной ситуации могли бы стать весьма грозной силой. Против маршалов, генералов и офицеров одно за другим возбуждались уголовные дела, завершавшиеся расстрелами или длительными сроками заключения. Показательно, что в ходе допросов следователи активно добивались у обвиняемых показаний, компрометирующих самого известного из советских полководцев – маршала Г.К. Жукова. Кольцо вокруг него смыкалось, были арестованы многие его боевые товарищи, личные друзья и даже адъютанты. «Взять» самого Жукова так и не решились, но ему пришлось унижительно «оправдываться перед партией» и писать покаянные письма. Он отделался снятием с должности Главкома сухопутных войск и понижением до должности командующего Одесским военным округом. На время Жуков был выведен из «большой игры», хотя потенциально оставался чрезвычайно сильной фигурой, что уже через несколько лет и продемонстрирует.

Непосредственное руководство антиармейской кампанией осуществлял министр госбезопасности Абакумов, на время ставший фаворитом Сталина – видимо, для того, чтобы уравновесить возвышение Берия. Они давно были в сложных отношениях – в годы войны возглавляемая Абакумовым военная контрразведка «СМЕРШ» подчинялась не

НКВД, а наркомату обороны. Когда в мае 1946 г. Абакумов занял должность министра госбезопасности, сменив давнего соратника Берии В.Н.Меркулова, первым его шагом стало устранение с ключевых позиций и других представителей прежней когорты. Формально Берия оставался куратором МГБ и МВД, но реальный контроль над репрессивным аппаратом был им утрачен. Таким образом, спустя всего несколько месяцев после своего взлета связка «Берия – Маленков» вновь оказалась в подвешенном положении.

Все эти перестановки (и многие другие; здесь бегло описана лишь малая их часть) легко счесть малозначащей борьбой за кадровые позиции, не отражающейся на реальной жизни общества. Но нет, не совсем так. Умело провоцируемая Сталиным конкуренция побуждала соперничающих лидеров к ярким и заметным действиям, способным привлечь благожелательное внимание «хозяина». И зачастую затевавшиеся ими в карьерных целях кампании трагически отражались на многих человеческих жизнях.

Например, в 1946 г. Жданов развернул бурную деятельность по борьбе с идеологически чуждыми явлениями в культуре. Главным приоритетом была объявлена борьба с безыдейностью и «преклонением перед Западом». Первый удар был нанесен по газетам «Правда», «Известия» и «Труд», Радиокомитету, министерству кинематографии, Объединению государственных книжно-журнальных издательств. Там прошла жесткая кадровая чистка. Затем началась атака на литературном фронте: 14 августа вышло постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», в котором жесточайшей критике были подвергнуты Михаил Зощенко, названный «литературным пошляком и подонком», и Анна Ахматова – «типичная представительница безыдейной поэзии» и «взбесившаяся барыня, у которой блуд смешан с молебном». В вину им вменялась, в частности, «проповедь гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание».⁶ Журнал «Ленинград» был закрыт, в «Звезде» сменили руководство, Ахматова и Зощенко исключены из Союза писателей. Для отечественной литературы началось время гонений, которые в той или иной степени отразились на судьбе многих писателей и поэтов. Через несколько дней дошли руки и до театра: 26 августа вышло постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» – путем искоренения «глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему буржуазного космополитизма». «Надо решительно, раз и навсегда покончить с либеральным попустительством всем этим эстетствующим ничтожествам, лишенным здорового чувства любви к родине и к народу, не имеющим за душой ничего, кроме злопыхательства и раздутого самомнения. Надо очистить атмосферу искусства от антипатриотических обывателей...».⁷ Подытожило эту стремительную идеологическую кампанию, занявшую лишь около месяца, постановление 4 сентября о кинематографе (формально – о кинофильме «Большая жизнь»): «...Работники искусств должны понять, что те из них, кто и впредь будет безответственно и легкомысленно относиться к своему делу, легко могут оказаться за бортом передового советского искусства..., ибо советский зритель

⁶ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953 // Под ред. А.Н. Яковлева. – М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С.587-591.

⁷ Там же. С.591-596.

вырос, его культурные запросы и требования увеличились, а партия и государство будут и в дальнейшем воспитывать в народе хорошие вкусы и высокую требовательность к произведениям искусства».⁸ Угроза была прозрачна: руководство страны однозначно заявило, что контроль за всеми сферами культурной жизни будет максимально плотным, а тех, кто попытается от него уклониться, ждут жестокие наказания.

Но вскоре Жданов получил урок. Сталин понимал, что трудно голодные смерти 1946-47 гг. списать на вредителей, войну и шпионов. Оставалось ожидать «чуда», обещанного Лысенко, – завалить страну новыми высокоурожайными сортами с помощью ветвистой пшеницы. Но в окружении Сталина всё больше оказывалось противников Лысенко. Особенно негативное отношение к нему демонстрировали выходцы из Ленинграда Вознесенский, Кузнецов, а также молодые заместители начальника Управления пропаганды и агитации ЦК Д.Т. Шепилов и С.Г. Суворов. Последний, будучи заведующим отделом науки, в 1947 г. дважды обращался к Жданову с письмами, в которых старался информировать его о ситуации в биологии в связи с противостоянием генетиков и Т.Д. Лысенко.⁹ 1 декабря 1947 г. заведующим отделом науки был назначен Ю.А. Жданов, зять И.В. Сталина и сын А.А. Жданова. Ю.А. Жданов был учеником ректора МГУ академика А.Н. Несмеянова, который был твердо настроен против Т.Д. Лысенко. 24 февраля 1948 г. Ю.А. Жданов направил Сталину докладную записку, в которой прямо ставит вопрос о вреде, наносимом сельскому хозяйству Т.Д. Лысенко.¹⁰ 10 апреля он же выступил с большим докладом в Политехническом музее в Москве на семинаре лекторов обкомов партии. 17 апреля 1948 г. Лысенко обратился лично к Сталину (копия А.А. Жданову) с обвинениями в адрес Жданова-младшего как руководителя Отдела науки ЦК ВКП(б), якобы препятствующего развитию «мичуринского учения». Лысенко знал, что Сталин на его стороне, и ситуация заставила Сталина все-таки предпочесть Лысенко. К тому же Сталина беспокоила высокая активность Ждановых и Шепилова. 10 июня 1948 г. на заседании Политбюро Сталин поднял вопрос о жалобе Лысенко на молодого Жданова и предложил создать комиссию для исправления ситуации, куда включил К.Е. Ворошилова, А.А. Жданова, В.М. Молотова М.А. Сулова, Д.И. Шепилова и др. 31 июля – 7 августа прошла сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, которая вошла в историю как «августовская сессия ВАСХНИЛ» и как погром советской генетики. Нераскаявшиеся генетики отправились в тюрьму, многие лишились работы. Результаты сессии ВАСХНИЛ пять раз рассматривались Оргбюро ЦК ВКП(б) только в период с 6 по 20 августа. Ряд ученых на Западе даже предрекали смерть науки в СССР в результате победы над ней идеологии и политики. Однако распада науки не произошло, только сопротивление перешло в скрытые формы.

После августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., на которой была повержена генетика как идеалистическая, формальная теория, в отличие от прогрессивной материалистической мичуринской биологии, развиваемой Т.Д. Лысенко, возник мощный идеологический "вихрь", затронувший практически все науки. Первой пострадавшей научной теорией оказалась релятивистская космология, которая была разгромлена на

⁸ Там же. С.598-602.

⁹ См.: Известия ЦК КПСС, 1991, № 4. С.133-137.

¹⁰ См.: Известия ЦК КПСС, 1991, № 7. С.110-111.

теоретической конференции Ленинградского отделения Всесоюзного астрономо-геодезического общества по идеологическим вопросам астрономии, прошедшей 13-14 декабря 1948 г. В принятой резолюции теория расширяющейся Вселенной была признана "астрономическим идеализмом". Следующей жертвой могли стать общая и специальная теории относительности и квантовая механика. Предполагалось по аналогии с сессией ВАСХНИЛ провести Всесоюзное совещание физиков. В марте 1949 г. министром высшего образования С.В. Кафтановым была подготовлена подробная справка на всех заведующих кафедрами физики с указанием различного компромата – пребывание за границей, наличие репрессированных родственников и т.п. В справке указывалась и национальность физиков (как раз в это время разворачивалась антиеврейская кампания). Справка нужна была для планируемой комиссии по разбору кадров советских физиков, в которую включили И.В. Курчатова.¹¹ И это оказалось ошибкой исполнителей. Решением Секретариата ЦК ВКП(б) от 9 апреля совещание было отложено без указания конкретного срока проведения. Физики участвовали в создании атомного оружия, в этих условиях громить необходимые физические теории, а также выяснять национальность физиков, было явно нецелесообразно. Таким образом, физики оказались под "атомным щитом", которым в дальнейшем прикрыли не только физику, но и другие естественные науки, в том числе – и радиационную биологию.¹²

3 октября 1946 г. конфигурация высшей власти вновь была изменена. По инициативе Сталина Комиссии по внешнеполитическим делам («шестерка») Политбюро ЦК ВКП(б) было поручено заниматься впредь, наряду с вопросами внешнеполитического характера, также вопросами внутренней политики. Было решено также пополнить состав «шестерки» председателем Госплана СССР Н.А. Вознесенским и впредь «шестерку» именовать «семеркой». В нее вошли: Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов и Вознесенский. Эта «семерка» подменила собой как все высшие партийные органы, так и правительство. Достаточно сказать, что Политбюро ЦК в полном составе за последующие шесть лет собиралось только дважды – в 13 декабря 1947 и 17 июля 1949 г. Секретариат ЦК из самостоятельного органа превратился в отдел кадров, занимавшийся сугубо техническими вопросами.¹³ Каждый член «семерки» отвечал за определенное направление политики, и ему подчинялись все связанные с ним министерства, ведомства и другие учреждения. Некоторые министерства, впрочем, оказались в сфере интересов сразу нескольких кураторов, что усугубляло их кулуарную борьбу.

«Семерка» превратилась в настоящую гладиаторскую арену, ставкой на которой было не только расположение вождя, но и жизнь. Первым в атаку пошел Жданов, который на волне своей активности на идеологическом фронте инициировал решение о проведении в начале 1947 г. XIX съезда партии. Со времени последнего подобного мероприятия

¹¹ Вихревая динамика развития науки и техники. СССР/Россия. Вторая половина XX века. Том III. Самоорганизация, турбулентный переход и диссипация / Отв. ред. Ю.М. Батурич. – М.: ИИЕТ РАН; Саратов: Амирит, 2019. С. 74-130, 278-279.

¹² К исследованию феномена советской физики 1950-1960-х гг. Социокультурные и междисциплинарные аспекты. Документы. Воспоминания Исследования. // Сост. И ред. В.П. Визгин, А.В. Кессених, К.А. Томилин. – СПб.: РХГА, 2014.

¹³ См. подробнее: Зеленов М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г., в июле 1948 и октябре 1952 г.: структура, кадры и функции (источники для изучения). – Новейшая история России, 2011, С.97-116.

прошло уже восемь лет (это было нарушением партийного устава, предписывавшего созывать съезды каждые пять лет, однако объяснялось военным временем). Жданов был заместителем Сталина по партийным вопросам, и таким образом он надеялся укрепить свое положение. Но остальных членов «семерки» такой сценарий категорически не устраивал. В качестве альтернативы Молотов и Маленков предложили реформировать Совет министров, сам смысл существования которого в новых условиях оказался туманным. Планировалось вместо Совета создать необходимое количество бюро (или комитетов), которые координировали бы работу по основным направлениям, распределенным между высшими кураторами. Главный вопрос, естественно, был не в самих бюро и даже не в их количестве (в итоге их оказалось восемь), а в том, кто из членов «семерки» их будет контролировать. Здесь явную победу одержал Молотов, получивший под свою опеку несколько важнейших комитетов, связанных с оборонной промышленностью, в том числе с разработкой атомного оружия. Отчасти ущемленным оказался Берия, у которого эти направления отобрали. С другой стороны, последнему вернули контроль над МВД, а также поручили курировать строительство московских высоток. Примечательным событием 1947 г. стало расширение состава «семерки» до «восьмерки», а потом и «девятки». Восьмым стал Булганин, которого Сталин отправил на пост министра обороны (с 1945 г. эту функцию исполнял сам Сталин), одновременно сделав его заместителем председателя Совета министров. Булганин, хотя и имел звание генерала (а с ноября даже маршала), не был кадровым военным и никаким авторитетом у настоящих военных не пользовался; таким образом, реальный контроль над армией Сталин сохранил за собой.

А затем переоценивший свои возможности Жданов получил серьезный удар. Был наложен категорический запрет даже на упоминание о созыве уже объявленного съезда партии, свернута работа комиссий по подготовке нового проекта Конституции СССР и новой программы партии, председателем которых был Жданов. Кроме того, Сталин ввел в состав Комиссии Политбюро Кузнецова, что, учитывая его сложные отношения с предшественником по ленинградской парторганизации Ждановым, тоже можно считать ослаблением последнего. От таких потрясений главный идеолог партии уже не оправился – из-за проблем с сердцем он все больше времени стал проводить в госпиталях и санаториях. В августе 1948 г. Жданов скончался.

Следующей мишенью оказался Молотов. Формально причиной атаки на него стали большие проблемы во внешней политике, за которую тот отвечал (хотя все принципиальные решения принимались Сталиным, утверждались коллегиально, а нарком иностранных дел лишь «проводил линию партии»). Скорее «товарищи» решили воспользоваться ситуацией и отодвинуть снова набравшего силу Молотова в сторону. Катализатором стало обострение отношений с Западом. В марте 1947 г. американцы как уже говорилось выше, предложили европейским странам мощную программу послевоенного восстановления и экономической поддержки, известную как «план Маршалла» (по имени тогдашнего государственного секретаря США). Большинство стран Старого Света помощь приняли, тем самым заложив основы будущей модели трансатлантической солидарности. Советская дипломатия и разведка (которой короткое время в рамках Комитета информации тоже руководил Молотов) этот ход своего главного оппонента «проспали», запоздалые попытки срыва «плана Маршалла» не удались.

Ответом стало образование нового инструмента глобального влияния СССР – Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформа), призванного заменить дискредитировавший себя и упраздненный еще в 1943 г. (чтобы не злить союзников по антигитлеровской коалиции) Коминтерн. Затем последовало повсеместное обострение конфронтации с Западом – в разделенном Берлине, Палестине, Китае, Корее и т.д. Вскоре оформились и противостоящие друг другу военные блоки – НАТО и Организация Варшавского договора.

Очень болезненным внешнеполитическим провалом стал случившийся в конце того же 1947 г. конфликт двух маршалов – Сталина и лидера социалистической Югославии Иосипа Броз Тито. Причины его не так важны, как последствия – глубокая трещина рассекла только формирующийся «социалистический лагерь», советское влияние на Балканах резко ослабло, а хуже всего было то, что в Югославии начала реализовываться альтернативная сталинской модель социализма. Персональная ответственность за неправильную оценку ситуации была возложена на Молотова, который лично вел неудачные переговоры с Тито.

Еще одна дипломатическая неудача случилась на Ближнем Востоке, где летом 1948 года возникло государство Израиль. Советский Союз это революционное для всей мировой политики событие санкционировал, хотя имел полную возможность заблокировать соответствующее решение через Совет безопасности ООН. Судя по всему, Сталин рассчитывал, что новое государство станет сателлитом СССР и его форпостом в стратегически важном регионе. Социалистические идеи действительно были весьма популярны в сионистских кругах, но очень быстро выяснилось, что израильский социализм не собирается иметь ничего общего с советским, в том числе и во внешней политике. В Кремле такой поворот событий вызвал острое раздражение, что, в частности, привело к всплеску государственного антисемитизма, в пропагандистской риторике названного «борьбой с буржуазным космополитизмом». Старт этой кампании дала редакционная статья в «Правде» от 28 января 1949 г. «Об одной антипатриотической группе театральных критиков».¹⁴ Статья была подписана коллективом авторов, состоявшим как из сотрудников газеты, так и из руководителей Союза писателей – Александра Фадеева, Константина Симонова, Анатолия Софронова и др. Однако, по воспоминаниям главного редактора газеты, редактировал материал лично Сталин, и он же предложил заголовок. Следом в центральной печати прокатилась целая серия разоблачительных материалов, в которых видные деятели отечественной культуры (президент Академии художеств Александр Герасимов, композитор Тихон Хренников, поэт и главный редактор журнала «Советский Союз» Николай Грибачев и другие) безжалостно клеймили «безродных космополитов» в рядах своих коллег. Поскольку почти все «космополиты» носили узнаваемо еврейские имена и фамилии, выученные улавливать любые колебания «генеральной линии» советские люди сигнал поняли однозначно. По стране покатила новая волна доносов и преследований (не только репрессий, но и увольнений) оказавшихся в подозрении деятелей культуры и науки. Конечно, она затронула не только интеллектуальные элиты и не только евреев; но центральная тема кампании была совершенно ясна.

¹⁴ Сталин и космополитизм. 1945-1953. Документы Агитпропа ЦК // Под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия» • Материк, 2005. С.232-240.

Все это стало подходящим фоном для оттеснения от вершин власти Молотова. Сталин давил на него с изуверской неторопливостью, сделав первой жертвой его супругу – Полину Жемчужину (партийный псевдоним; настоящее имя – Перл Карповская). Старая большевичка и участник гражданской войны, она еще в 1930-е гг. стала единственной женщиной-наркомом (возглавляла наркомат рыбной промышленности). Кроме того, Жемчужина считалась покровителем Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) и дружила с его председателем – знаменитым актером Соломоном Михоэлсом, как и с его куратором, членом ЦК партии Соломоном Лозовским. В январе 1948 г. в Минске Михоэлс был убит сотрудниками МГБ, а к концу года началось дело ЕАК, объявленного «центром антисоветской пропаганды» и поставщиком «антисоветской информации органам иностранной разведки» (какой именно, в постановлении Политбюро даже не уточнялось). Лидеры комитета, а с ними и Лозовский, были арестованы и расстреляны. Исключение было сделано лишь для всемирно известного физиолога, первой в СССР женщины-академика Лины Штерн, поскольку ее казнь вызвала бы взрыв негодования среди зарубежных ученых. 74-летнюю Штерн приговорили к ссылке в Среднюю Азию, где она смогла продолжить научную работу.¹⁵ Молотову было предложено официально расторгнуть брак с Жемчужиной (в котором они прожили 27 лет), а вскоре на заседании Политбюро был поставлен вопрос об исключении Жемчужиной из партии. Молотов проголосовал «за», и он же лично известил об этом бывшую супругу. Жемчужина была арестована; правда, наказание ограничилось ссылкой (освобождена она будет на следующий день после похорон Сталина, вернется к мужу и до конца своих дней останется верной сталинисткой).

Но это было лишь начало. Вскоре Молотов получил на Политбюро «замечание», сообщение о котором было опубликовано в прессе, затем его лишили возможности влиять на повседневную работу правительства – под предлогом того, что ему нужно сосредоточиться на международной повестке. Но в марте 1949 г. Молотов был освобожден от должности министра иностранных дел, которую занял бывший генеральный прокурор, «звезда» открытых процессов против «врагов народа» и руководитель советской делегации в Нюрнбергском трибунале А.Я. Вышинский. Одновременно из состава правительства был выведен министр внешней торговли Микоян – давний друг Молотова и Жемчужиной.

Молотов и Микоян остались в высшем руководстве страны, хотя их влияние стало ничтожным. Видимо, они были нужны Сталину в его хитрой системе сдержек и противовесов, ведь как раз в это время начиналось «Ленинградское дело» – самый большой внутрипартийный процесс послевоенной эпохи. Подлинные его причины до сих пор загадочны. Очевидно лишь, что никакого антисоветского заговора с центром в Ленинграде не существовало, все обвинения были буквально высосаны из пальца. Единственный контекст, в котором вся эта история имеет хоть какой-то смысл – борьба за власть, «схватка бульдогов под ковром», по меткому выражению Черчилля. Однако жертвами ее, как обычно, стали тысячи ни в чем не повинных людей, в массе своей искренне преданных стране и партии. Новый и, видимо, неожиданный удар был нанесен в феврале 1949 г., когда вышло постановление Политбюро «Об антипартийных действиях

¹⁵ См.: О так называемом «Деле Еврейского антифашистского комитета» // Известия ЦК КПСС, 1989, № 12. С. 35-40.

члена ЦК ВКП (б) т. Кузнецова А.А., кандидатов в члены ЦК ВКП (б) тт. Родионова М.И. и Попкова П.С.». ¹⁶ В вину им было поставлено нецелевое расходование государственных средств; все трое были сняты со своих постов и получили выговоры по партийной линии. Критиковался в постановлении и член Политбюро, председатель Госплана Вознесенский. 7 марта, через три дня после «мягкого» отстранения Молотова и Микояна, Вознесенский был снят со всех постов и, в отличие от товарищей по несчастью, отправлен в бессрочный отпуск – никакой новой должности ему не предложили, что выглядело уже как приговор. Дальнейшую «раскрутку» «ленинградского дела» по партийной линии поручили Маленкову при силовой поддержке МГБ и Абакумова. Летом и осенью были арестованы Кузнецов, Вознесенский, Попков, Капустин, Родионов и другие руководители ленинградской парторганизации. По обвинению в антисоветской деятельности были расстреляны 23 человека, более двух сотен осуждены на длительные сроки заключения. Освобождены от работы, исключены из партии и высланы из города – более двух тысяч. В 1954 г. все они были реабилитированы. ¹⁷

«Ленинградское дело» существенно изменило расклад сил в руководстве страны, которое понесло кадровые потери. Компенсировать их призваны были новые люди – прежде всего ставший председателем Госплана М.З. Сабуров и назначенный зампредом Совмина М.Г. Первухин (в начале 1920-х гг. Маленков, Сабуров и Первухин учились в МВТУ и вместе состояли в институтской парторганизации). Кроме того, в декабре 1949 г. в Москву был переведен Н.С. Хрущев, в послевоенные годы работавший на посту первого секретаря ЦК компартии Украины. Руководство армией перешло к маршалу А.М. Василевскому, Булганин занялся оборонной промышленностью. Частично были восстановлены в правах Молотов и Микоян, вернувшиеся в «семерку». В апреле 1950 года в Бюро Президиума Совета Министров СССР входили: председатель – Сталин, первый заместитель – Булганин, а также Берия, Маленков, Л.М. Каганович, Молотов и Микоян. Очевидно, что вторым человеком в новой структуре власти стал Булганин.

Одновременно росла численность обитателей ГУЛАГа, уже к 1948 г. превысившая довоенный уровень, – потому что еще одним элементом эволюции сталинизма стал новый виток политических репрессий. Как и в середине 1930-х гг., рациональной логики в них было не много, главной целью оставалось насаждение на всех уровнях атмосферы страха. Поэтому пострадала и правящая элита («ленинградское», «мингрельское», «эстонское» дела), и авторитетные «силовики» («дело авиаторов», «трофейное дело», арест министра госбезопасности В.С.Абакумова и его окружения), и интеллигенция (дело Еврейского антифашистского комитета, кампания по борьбе с космополитизмом, «дело врачей»). «Когда я в конце сентября 1948 года вернулся в Москву, это был, по настроению интеллигенции, совсем другой город. В июле-августе в СССР произошли серьезные изменения в идеологии и внешней политике, которые можно охарактеризовать как консервативный поворот, вызвавший острую конфронтацию с Западом», - писал историк Ж.А. Медведев ¹⁸.

¹⁶ Известия ЦК КПСС, 1989, № 2, с.128-129.

¹⁷ См. подробнее: Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. – М.: Политиздат, 1991.

¹⁸ Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М.: «Права человека», 200, С.115.

Общество оказалось в состоянии оцепенения. Страна словно вернулась в довоенное время предельной мобилизации и параноидального поиска предателей. Некоторые идеологические вольности, допускаясь в годы войны, оказались вновь табуированы. Да и о самой недавней войне старались вспоминать как можно реже. С 1948 г. 9 мая стало обычным рабочим днем, были отменены льготы и денежные выплаты кавалерам орденов и медалей. Сталин опасался авторитетных военачальников и побаивался фронтовиков, которые, с их опытом выживания и сопротивления в критических ситуациях, могли стать основой социального протеста. Не случайно многие ветераны и орденосцы по различным надуманным причинам оказались в лагерях.

В 1949 г. советские ученые сумели создать атомную бомбу, что выровняло военный баланс в мире. Угроза прямого применения военной силы ядерными державами перестала быть решающим фактором политического давления, поскольку грозила фатальными последствиями для всех сторон. Но ограниченные локальные конфликты с участием стран-сателлитов не исключались. Первое прямое столкновение Запада и советского блока произошло в 1950 г. в Корее. Американцам и их союзникам еще до начала боевых действий удалось одержать важную дипломатическую победу, в результате которой они воевали под флагом ООН, а китайским и советским военным специалистам, пришедшим на помощь корейским коммунистам, пришлось выдавать себя за «добровольцев». Впрочем, в этой войне не победил никто, а завершилась она в 1953 г. до сих пор сохраняющимся разделением страны на коммунистический Север и прозападный Юг.

В 1950 г. промышленность и сельское хозяйство по основным показателям вышли на довоенный уровень. О сытой жизни речь еще не шла, но критическая нехватка продуктов питания была преодолена.¹⁹

1.2. Конфигурация власти меняется

Сталинский режим был в колоссальной степени персонифицирован, что и стало его уязвимой точкой. Как только Сталин начал утрачивать дееспособность (в силу неумолимых причин объективного, биологического свойства), вновь развернулась борьба за власть. Сигналом о приближении кризиса стало решение, принятое 16 февраля 1951 г. без созыва Политбюро, посредством опроса: «Председательствование на заседаниях Президиума Совета Министров СССР и Бюро Президиума Совета Министров СССР возложить поочередно на заместителей Председателя Совета Министров СССР тт. Булганина, Берия и Маленкова, поручив им также рассмотрение и решение текущих вопросов. Постановления и распоряжения Совета Министров СССР издавать за подписью Председателя Совета Министров СССР Сталина И. В.» По сути, это означало, что все рычаги власти сосредоточиваются в триумvirате «Булганин – Берия – Маленков». Тем же постановлением была изменена структура Бюро Президиума, которая практически вывела из игры «стариков» – Молотова, Кагановича и Ворошилова. Их реальные полномочия были переданы Сабурову и Первухину.

О причинах такого решения историки продолжают спорить. Некоторые исследователи считают, что Сталин, утрачивая физические силы, действительно был готов уступить власть своему «ближнему кругу», другие видят тут очередной эпизод его

¹⁹ См. подробнее: Зубкова Е.Ю., указ. раб.

хитроумных интриг. Дальнейшее развитие событий только запутало ситуацию. Уже весной 1951 г. грянуло «мингрельское дело», по которому за решеткой оказалось более 500 человек, в том числе 7 из 11 членов ЦК Компартии Грузии. Почти все они были мингрелами (грузинский субэтнос), как и Берия. Сомнений в том, против кого была направлена эта кампания, не было ни у кого, хотя прямые обвинения против Берия не выдвигались. Летом случилась сенсация – арест казавшегося всесильным министра госбезопасности Абакумова. За решеткой оказались многие его ставленники в центральном аппарате министерства и в республиканских ведомствах. Новым министром стал С.Д. Игнатъев – кадровый партийный работник, никогда в «органах» не служивший. Игнатъев был человеком Маленкова, что вроде бы укрепляло позиции последнего. С другой стороны, устранение Абакумова возвращало Берия влияние на органы безопасности.

Конфигурация власти снова усложнилась. Главные роли по-прежнему играли Булганин, Берия и Маленков, за спинами которых стояли в той или иной степени зависимые от них Сабуров и Первухин. В партийном аппарате постепенно стал набирать силу Хрущев, что продемонстрировал наконец состоявшийся осенью 1952 г. XIX съезд, – в частности, принявший решение о переименовании правящей партии из ВКП (б) (Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)) в КПСС (Коммунистическую партию Советского Союза). Подготовку к съезду сосредоточили в своих руках Маленков, Хрущев и Сабуров, они же были главными докладчиками. Сталин на трибуну съезда даже не поднимался, но выступил на закрытом заседании Политбюро. Вождь попросил освободить его от текущей работы в связи с болезнью, а также обрушился с жесткой критикой на «старую гвардию» – Молотова и Микояна. «Семерка» обновилась и стала «девяткой» – Сталин, Маленков, Берия, Булганин, Хрущев, Ворошилов и Каганович (уже давно никак себя не проявлявшие), а также «молодые» Первухин и Сабуров. Но ожидаемого ареста униженных Молотова и Микояна не последовало – возможно, они еще были нужны Сталину.

Впрочем, не исключено, что он уже плохо контролировал как свои, так и чужие действия, иначе трудно объяснить совершенно безумное даже на общем фоне эпохи «дело врачей» (густо замешанный на антисемитизме разгром, или скорее погром, цвета советской медицины, в первую очередь обслуживавшей партийное руководство, в результате которого без качественной медицинской помощи остался сам вождь), а также отстранение личного секретаря Сталина А.Н. Поскребышева и арест начальника его личной охраны генерала Н.С. Власика.

Да и в кампаниях уже удавалось не все. В июле 1952 г. в письме Сталину известный физик П.Л. Капица выступил против «аракчеевщины» в науке, «когда, чтобы исключить возможность неудач в творческой научной работе, ее пытаются взять под фельдфебельский контроль».²⁰ Так, новую волну идеологической критики вызвала публикация лекций академика Л.И. Мандельштама по теории относительности и квантовой механике. В ноябре-декабре 1952 г. были проведены антимандельштамовские заседания философского семинара физического факультета МГУ с единодушным осуждением лекций как "махистских". 9 февраля 1953 г. на заседании Ученого совета

²⁰ Известия ЦК КПСС, 1991, № 2. С.109.

Физического института им. П.Н. Лебедева было принято антимандельштамовское решение, опубликованное по решению партийных инстанций в журнале "Успехи физических наук". Но о своем несогласии с ним громко заявил академик Г.С. Ландсберг. Почти одновременно, в 1953 году поражением закончилось продолжавшееся несколько лет наступление на кибернетику – в журнале "Вопросы философии" под рубрикой "Критика буржуазной идеологии" была напечатана статья "Кому служит кибернетика", подписанная псевдонимом «Материалист».²¹ Само название говорило, что никакой патриотически настроенный ученый в СССР не может заниматься столь одиозной наукой. Было понятно, что высказана официальная точка зрения, и пора немедленно свертывать все исследования в этой области. Однако нашлись те, кто позволил себе не согласиться. С.Л. Соболев, А.А. Ляпунов и А.И. Китов написали статью "Основные черты кибернетики" и представили её в тот же журнал в том же 1953 году. Правда, опубликована она была только в 1955 году, но статья сыграла свою роль: благодаря ей руководство КПСС разрешило в течении этих двух лет проводить семинары и конференции, где сторонники и противники кибернетики могли свободно высказывать своё мнение.²²

Обстоятельства смерти Сталина и сегодня точно не известны. Свидетельских показаний не сохранилось, протоколы и документы впоследствии не раз подчищались, воспоминания участников событий фрагментарны и противоречивы. Из разрозненных косвенных свидетельств при желании можно сложить любую комбинацию. В исторической и художественной литературе бытуют как версии насильственной смерти, так и предположения о неоказании необходимой медицинской помощи или преступной халатности. С другой стороны, Сталин был далеко не молод, а после инсульта вернулся к привычному образу жизни, который «здоровым» назвать никак было нельзя. Выводы современных врачей подтверждают, что смерть генералиссимуса, вероятнее всего, произошла от естественных причин.²³

Повторный инсульт и паралич настигли Сталина 1 марта 1953 г. А третьего марта, когда фактическая смерть вождя еще не наступила, но ее неизбежность стала очевидной, состоялось заседание Бюро Президиума ЦК партии. Уход Сталина ломал принципы иерархии в руководстве страны: если раньше главным критерием позиционирования того или иного государственного деятеля являлось доверие или недоверие вождя, то теперь на первый план выходили личные качества и контролируемые ресурсы, прежде всего силовые и кадровые. Расстановка сил вновь изменилась – например, «акции» Булганина снизились, а Молотов вернулся в первый эшелон элиты. Он пользовался авторитетом, а для «широких народных масс» оставался вторым после Сталина человеком в стране (о разгромной критике вождя в адрес Молотова на осеннем пленуме 1952 г. знал лишь очень узкий круг). Принятые Бюро Президиума решения были немедленно 5 марта 1953 года утверждены на совместном заседании пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, после чего структура власти приняла совершенно новый вид, который впоследствии назвали системой «коллективного руководства». Никто из лидеров не смог добиться решительного превосходства над другими, поэтому все они согласились установить в своем кругу зыбкое равновесие сил (питая при этом надежды на

²¹ Вопросы философии, 1953, № 5, с.210-219.

²² Вихревая динамика развития науки и техники. С.282-288, 389.

²³ Пихоя Р.Г. 5 марта 1953 года. Пятьдесят лет спустя. Социология власти. 2003. № 2. С.83.

скорые изменения). Основным органом оперативного управления страной должен был стать Совет министров во главе с Маленковым. Его заместителями и членами Президиума оказались Берия, Молотов, Булганин и Каганович, одновременно разделившие между собой ключевые министерства. МВД и МГБ объединялись в единое суперведомство – министерство внутренних дел, порученное Берия. В противовес ему и в целях уравнивания баланса силовых ресурсов министерства вооруженных сил и военно-морского флота были слиты в единое министерство обороны. Его руководителем стал Булганин, первыми заместителями – маршалы А.М.Василевский и Жуков. МИД опять возглавил Молотов. Ворошилов получил представительную, но малозначимую должность председателя Президиума Верховного Совета СССР. Партийные органы тоже претерпели изменения – Бюро Президиума ЦК было распущено, а Президиум и Секретариат ЦК численно сокращены. Но, главное, было решено, что партия должна отныне сосредоточиться на агитации, пропаганде и организационной работе, а хозяйственные и политические вопросы должно решать правительство. В Президиум ЦК вошли 11 человек (плюс четыре кандидата). Формально они считались равными, но в прессе упоминались не в алфавитном порядке, а, как тогда было принято, по значимости – Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев и прочие. При этом оговаривалось, что Хрущев должен возглавить работу аппарата Секретариата ЦК, в связи с чем он слагал с себя полномочия главы столичной парторганизации. Учитывая, что остальные члены президиума занимали важные министерские посты и были загружены государственными делами, именно Хрущев получил фактический контроль над всей партийной «политической машиной», что определяющим образом повлияло на дальнейшее развитие событий – несмотря на декларированное снижение роли партии в управлении страной. Хрущева воспринимали как компромиссную фигуру, не входящую в число главных участников борьбы за власть (в свое время такую же ошибку «старые большевики» допустили в отношении Сталина). Хрущев считался личной кратурой Сталина, а из его соратников он был связан разве что с Булганиным. Впрочем, Булганин особых амбиций в столь тревожной ситуации не проявлял, а в опубликованном списке членов Президиума ЦК был упомянут даже после Хрущева. Кстати, вел судьбоносные заседания 5 марта именно Хрущев, а кандидатуру Маленкова на пост председателя Совмина предложил Берия. Через час после окончания сорокаминутного заседания, было официально объявлено о смерти Сталина. Председателем комиссии по организации похорон вождя стал опять же Хрущев (с тех пор и вплоть до конца советского власти возложение таких обязанностей однозначно указывало на новое «первое лицо»).

Таким образом, никто из новых хозяев Кремля не получил уверенного преимущества над другими. Формальное первенство досталось Маленкову, но ответственность за все народное хозяйство была и серьезным риском – его авторитет оказывался в прямой зависимости от уровня жизни советских людей, а с ним, в свою очередь, дело обстояло далеко не блестяще. Берия получил контроль над спецслужбами, но не абсолютную власть над ними (с 1945 г., когда Сталин убрал его из МГБ, большинство катур Берия потеряли свои позиции). Конечно, Берия сразу же начал свою собственную перетряску «органов», но создать в них мощную, преданную лично ему сеть агентов влияния так и не успел. Еще сложнее было положение министра обороны Булганина, авторитет которого в военной среде не шел ни в какое сравнение с весом его заместителей, настоящих, а не тыловых маршалов, героев Победы Жукова и Василевского. Молотов вроде бы вернул себе

высокий статус, однако ключевые внешнеполитические решения принимал все равно не он, а «коллективное руководство». Да и власть Хрущева в партии тоже не была абсолютной – в возглавляемом им секретариате большинство составляли креатуры Маленкова. Наследники Сталина как бы держали друг друга под прицелом – вопрос был только в том, у кого первого не выдержат нервы, кто выстрелит первым.

1.3. Выбор курса

Кандидаты в «вожди» немедленно взялись за ревизию сталинского наследия. Выяснилось, что даже ближайшие сподвижники Сталина не готовы продолжать его линию. Все они заговорили об изменении или, по меньшей мере, корректировке сталинского курса и режима. Отстаивать идеи вождя, которые еще недавно все они называли не иначе как «гениальными» и «единственно верными», никто не собирался. Как показали события, самой выигрышной стратегией в борьбе за власть на первых порах оказался наиболее радикальный пересмотр прежней модели без покушения на основы советского социализма. «Новаторы» выигрывали у «консерваторов» – по крайней мере, поначалу.

Уже на следующий день после похорон Сталина, прямо на пленуме ЦК Маленков впервые употребил выражение «культ личности»: «В прошлом у нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности. И сейчас надо сразу поправить тенденцию, идущую в этом направлении... Считаем обязательным прекратить политику культа личности!»²⁴. Личность по имени не называлась, но это и не было нужно – все понимали, о ком идет речь и куда теперь дует ветер.

Кроме того, председатель Совмина предложил перенести основной упор в народном хозяйстве с тяжелой и оборонной промышленности (отрасли группы «А»), на развитие отраслей группы «Б» – пищевой отрасли и производства товаров народного потребления. Это было необходимо, чтобы хоть как-то повысить уровень жизни советских людей, все более разительно отстававший от стремительно восстанавливавшейся Европы. Для уменьшения расходов на оборону предлагалось даже предпринять шаги по снижению международной напряженности и ограничению гонки вооружений. Берия и Молотов отстаивали более консервативную экономическую политику. Впервые за долгие годы в руководстве страны возникла публичная дискуссия по стратегическим вопросам, пусть и в высокой степени мотивированная соображениями борьбы за власть.

Впрочем, бурную деятельность развил и Берия, получивший под свое начало не только объединенное МВД-МГБ, но и входивший в него ГУЛАГ (оценки численности заключенных в нем очень разнятся между собой; однако похоже, что к 1953 г. в тюрьмах, лагерях и колониях находилось около двух миллионов человек). Первыми же своими приказами Берия категорически запретил пытки арестантов и создал особые следственные группы, занявшиеся пересмотром самых громких политических процессов последних лет. Были прекращены «мингрельское дело» и «дело врачей», амнистированы многие видные большевики и военные. В конце марта Берия провел через Президиум ЦК КПСС указ «Об амнистии», согласно которому около полутора миллионов человек получили свободу (в основном это были обвиняемые и заключенные по уголовным статьям, но грань между

²⁴ Наше Отечество. Опыт политической истории. Т.2. М.: Терра, 1991.С.443.

уголовным и политическим преступлением была в то время предельно размыта). В дальнейшем процесс ликвидации сталинской репрессивной системы продолжат другие, но, парадоксальным образом, начало ему положил именно Берия – один из главных ее архитекторов... Впрочем, и в 1938 г., сменив Н.И.Ежова на посту главы НКВД и притормозив кровавое колесо «Большого террора», Берия тоже вернул свободу некоторой части заключенных, создавая тем самым себе репутацию защитника «социалистической законности». Возможно, тот же тактический прием он пытался повторить и в этот раз. Кроме того, по инициативе Берия началась структурная реформа ГУЛАГа: существовавшие при нем восемнадцать гигантских хозяйственных управлений (Дальстрой, Спецстрой, Гидропроект и другие) отошли к гражданским промышленным и строительным ведомствам вместе с гигантскими сталинскими «стройками коммунизма» (Туркменский канал, канал Волга-Урал, тоннель под Татарским проливом, железная дорога до Игарки и т.д.), большую часть которых вскоре заморозили.

Однако тема реабилитации жертв режима была весьма щекотливой, поскольку в репрессиях в той или иной степени принимали участие все члены сталинского окружения. Нужны были новые «козлы отпущения», помимо Абакумова и его окружения, отправленных за решетку еще до смерти вождя. Пользуясь ситуацией, Берия инициировал возбуждение дел против бывшего министра госбезопасности Игнатъева и его заместителя М.Д. Рюмина, которые занимались «делом врачей» и «мингрельским делом». Маленков, союзником которого был бывший министр и действующий секретарь ЦК, не смог его отстоять – Игнатъева исключили из ЦК (впрочем, вскоре восстановили). Но Рюмин был арестован. Очевидная победа Берии всерьез испугала конкурентов. К тому же активность Берии не ограничивалась исключительно рамками министерства внутренних дел – например, он попытался серьезно скорректировать национальную политику, призывая к выдвижению на первые роли «местных кадров» (что в дальнейшем могло бы обеспечить ему значительную поддержку с их стороны). Потому эта инициатива и была воспринята как заявление прямых претензий на высшую власть. Угроза со стороны Берии сплотила остальных, а опасение, что реформируемое им МВД вскоре может превратиться в неодолимую силу, заставило их действовать без промедления.

26 июня 1953 г. прямо в Кремле, на объявленном без предупреждения заседании Президиума ЦК Берия был взят под стражу. Задержание производили военные – несколько генералов и старших офицеров во главе с самим маршалом Жуковым. Одновременно схватили и шестерых ставленников Берии в высшем руководстве МВД. В конце декабря Специальным Судебным Присутствием Верховного Суда СССР (почему-то под председательством маршала И.С.Конева) все они были признаны виновными в самых фантастических преступлениях – «измене Родине, организации антисоветского заговора, совершении террористических актов, активной борьбе против рабочего класса и революционного рабочего движения», да еще и в работе на «иностранные разведки». Смертный приговор был тут же приведен в исполнение. Расстреливали Берию опять же армейские генералы, причем собственноручно – похоже, натерпевшаяся от госбезопасности армия мстила с наслаждением. Вскоре той же дорогой (если не к стенке, то в тюрьмы) отправились еще десятки членов «банды Берия», сотни лишились должностей и званий.

Устранение Берия укрепило позиции Маленкова, одновременно превратив его в главную мишень для «соратников». Кроме того, устранение «лубянского маршала» и связанного с ним руководства МВД вкупе с начавшимся процессом реабилитации заключенных (пока не массовым) резко ослабило политическое влияние госбезопасности. Политический вес Хрущева тоже вырос, в том числе благодаря его деятельному участию в устранении Берия. Во всяком случае, сам он впоследствии утверждал, что идея антибериевского заговора принадлежала ему, и он же вел переговоры с его ключевыми фигурами²⁵. В новом раскладе властного пасьянса Хрущев занял одну из ведущих позиций, наряду с Маленковым, Булганиным и Молотовым.

Вскоре после июльского пленума ЦК, полностью посвященного разоблачению «английского шпиона Берия»,²⁶ Маленков предложил программу решительных преобразований в народном хозяйстве, которую по степени революционности можно сравнить разве что с НЭПом. В августе 1953 года на сессии Верховного Совета СССР он представил проект бюджета на следующий год, основные параметры которого указывали на резкое смещение экономических приоритетов: «Неотложная задача состоит в том, чтобы в течение двух-трех лет резко повысить обеспеченность населения продовольственными и промышленными товарами – мясом и мясными продуктами, рыбой и рыбными продуктами, маслом, сахаром, кондитерскими изделиями, тканями, одеждой, обувью, посудой, мебелью и другими предметами культурно-бытового и домашнего обихода, значительно поднять обеспеченность населения всеми товарами народного потребления»²⁷. Кроме того, значительно увеличивались ассигнования на образование, медицину, науку, культуру и социальную сферу. Существенно повышались закупочные цены на сельхозпродукцию (то есть росли доходы сельских жителей), снижался сразу в два с половиной раза душивший деревню единый сельхозналог, списывались все накопившиеся по нему задолженности. Прекращалась борьба с личными приусадебными хозяйствами колхозников (которые в основном и обеспечивали им физическое выживание) – более того, их допустимый размер возрастал. И даже часть оборонной промышленности предлагалось переориентировать на выпуск сельскохозяйственной техники.

Все эти новации действительно принесли Маленкову некоторую популярность в массах – простые люди отзывались о нем хорошо. Однако успех в политической борьбе зависел тогда не от «мнения народного», а от хода внутриэлитной борьбы. И вот тут Маленков проигрывал. Когда в сентябре 1953 г. предложенные им экономические преобразования утверждались на пленуме ЦК, представлял их не Маленков, а – без каких-либо объяснений – Хрущев. На том же пленуме Хрущев был избран «первым секретарем» ЦК, что шло вразрез с мартовскими договоренностями о «коллективном руководстве». Но после устранения Берии, как бы компенсируя образовавшееся пустое место, баланс сил сместился, и Хрущеву удалось заручиться поддержкой других лидеров, дабы уравновесить возросшее влияние Маленкова. Высший слой партийного аппарата,

²⁵ Хрущев С.Н. Никита Хрущев. Реформатор. М.: Время, 2010. С.80–83.

²⁶ Стенографический отчет июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, рассмотревшего вопрос «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия» см.: Известия ЦК КПСС, 1991, № 1. С. 139-214; № 2. С. 141- 208.

²⁷ Маленков Г.М. Речь на пятой сессии Верховного совета СССР. М.: Госполитиздат, 1953. С.9.

который, собственно, и именовался Центральным Комитетом (125 членов и 111 кандидатов), его также поддержал. В значительной степени этому способствовал сам Маленков, предложивший снять с партийных работников многие привилегии и дополнительные, помимо официальной зарплаты, немалые выплаты «в конвертах» (практика, возникшая еще при Сталине). Между прочим, так впервые в истории страны становится политическим инструментом тема «борьбы с привилегиями» – впоследствии ее будет использовать Ельцин. Но то, что 35 лет спустя удалось Ельцину, не удалось Маленкову. Хрущев выступил резко против этих мер, чем безоговорочно склонил партийную номенклатуру на свою сторону. В ноябре на расширенном заседании ЦК дело дошло до перепалки между председателем Совмина и первым секретарем относительно приоритета партийного и государственного руководства, и зал полностью поддержал позицию Хрущева. Началась открытая борьба между Маленковым и Хрущевым, в которой последний показал себя несравнимо более искусным игроком.

Хрущеву удалось перехватить инициативу в реформировании сельского хозяйства. «Маленковский» бюджет был утвержден, однако в феврале 1954 г. на посвященном сельскому хозяйству пленуме ЦК Хрущев предложил альтернативный проект развития отрасли, связанный не с качественными изменениями в аграрном секторе (за что ратовал Маленков), а с экстенсивным вовлечением в сельскохозяйственный оборот новых территорий. Его предложения были утверждены постановлением ЦК «Об освоении целинных и залежных земель». Ниже будет сказано несколько слов об экономических последствиях этой кампании, но был и политический эффект. Он состоял в том, что партия вновь брала рычаги управления в свои руки, а правительству оставалось подчиняться.

В марте Хрущев одержал еще две аппаратные победы. Во-первых, он добился обратного выделения из единого МВД-МГБ структуры политического сыска (в том числе разведки и контрразведки) – Комитета государственной безопасности. Председателем КГБ стал старый товарищ Хрущева (еще по Украине) генерал И.А.Серов. Второй удар Маленков пропустил по собственной неосторожности. Выступая 12 марта 1954 г. в Верховном Совете, он заявил, что необходимо снижать уровень конфронтации с Западом, поскольку ядерная война между великими державами неминуемо приведет к гибели всего человечества. Хрущев в ответной речи призвал, наоборот, всемерно укреплять обороноспособность, в чем его рьяно поддержали члены руководства страны, связанные с армией и оборонной промышленностью. Именно союз с ВПК, армейским командованием и руководством КГБ, недовольными почти двукратным сокращением ассигнований на оборону, а также контроль над партийным аппаратом стали решающими козырями Хрущева в борьбе за власть. Стоит отметить и лояльность украинского руководства, благодарного за его активное содействие передаче в состав Украины Крыма, случившейся в январе 1954 г. В тот момент, в условиях всевластия партии на всей территории Советского Союза, это было чисто административное решение, мало заметное для кого-либо, кроме «партийно-хозяйственного актива». Его отдаленные политические последствия обнаружатся только в XXI в.

Последний и нокаутирующий удар по Маленкову был нанесен в декабре 1954 г., когда начался суд над бывшими руководителями МГБ, обвиненными в фабрикации

«ленинградского дела». Процесс был закрытым, и фамилия Маленкова публично не звучала, но руководство партии прекрасно знало, кто курировал и вел это дело. Абакумов вместе с целым рядом его подручных были расстреляны, а 24 января 1955 г. в «Правде» вышла статья ее главного редактора Д.Т. Шепилова под названием «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма». И хотя фамилия Маленкова там тоже не называлась, всем было очевидно, кто главный «герой» этого материала, кто пропагандирует «глубоко ошибочные и политически вредные взгляды» на социалистическую экономику, выступая за «крутой подъем легкой промышленности» и впадая тем самым в «правый уклон». Такие эпитеты легко прочитывались как «черная метка». Действительно, на ближайшем пленуме ЦК Маленков был снят с поста председателя Совета Министров. Докладчиками выступили Хрущев и Молотов, обвинившие Маленкова не только в неумении организовать работу правительства и «правооппортунистических взглядах на экономику», не только в фабрикации «ленинградского дела» и ряда других репрессивных инициатив, но и в претензиях на единоличную власть.

Новым председателем Совета Министров стал Булганин, освобожденное им место министра обороны занял Жуков. Главный же результат оказался в том, что Хрущеву удалось окончательно утвердить приоритет партийной власти над государственной. Теперь все важнейшие вопросы решались не в правительстве, а в ЦК, Президиум которого принимал основные оперативные решения. В этот орган с подачи Хрущева на февральском пленуме были включены два его старых соратника – уже упоминавшийся Суслов и возглавлявший ЦК компартии Украины А.Н.Кириченко. Маленков публично покаялся, после чего его с некоторой издевкой назначили на ничтожную должность министра электростанций СССР – правда, с сохранением статуса члена Президиума и декоративного поста заместителя председателя Совета Министров. Влияние Маленкова стремилось к нулю, что подтвердил новый бюджет на текущий хозяйственный год: расходы на оборону были увеличены вдвое (вернувшись к прежним цифрам), а на сельское хозяйство – лишь на треть, причем за счет обратного сокращения ассигнований на легкую промышленность, образование, науку и медицину.